

MIRIAM
TOEWS

ALL MY PUNY
SORROWS

МИРНАМ
ТЭИВЗ

ВСЕ МОИ
НИЧТОЖНЫЕ
ПЕЧАЛИ

Москва
2024

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Т96

Miriam Toews
ALL MY PUNY SORROWS

Copyright © by Miriam Toews, 2014
All rights reserved

Перевод с английского *Татьяны Покидаевой*
Иллюстрация и леттеринг *Виктории Сальниковой*

Тэйвз, Мириам.

Т96 Все мои ничтожные печали / Мириам Тэйвз ;
[перевод с английского Т. Покидаевой]. — Мо-
сква : Эксмо, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-04-185742-4

Сестры Эльфрида и Йоланди с детства были очень близки, но всегда были очень разными. Йоланди живет вполне обычную жизнь: муж, развод, муж, двое детей, ничего необычного, а Эльфрида стала выдающейся пианисткой, вышла замуж за хорошего мужчину, но примерно всю свою сознательную жизнь она страдает от тяжелой депрессии. И вот однажды она просит сестру отвезти ее в Швейцарию, чтобы там ей сделали эвтаназию, потому что она больше не может и не хочет жить.

Тогда перед младшей сестрой встает сложный вопрос. Что лучше: насильно удерживать любимого человека среди живых или своими руками помочь ему уйти. Но как вообще можно сделать такой выбор?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-185742-4

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Посвящается Эрику

1

Наш дом увезли в кузове самосвала. Это произошло летом 1979 года. Мы все вчетвером — мама, папа, моя старшая сестра Эльфрида и я — стояли посреди дороги и смотрели, как он исчезает из виду. Наш бывший дом, одноэтажное бунгало из кирпича, дерева и штукатурки, медленно ехал прочь, мимо А&W¹ и кегельбана, в сторону двенадцатого скоростного шоссе. Я его вижу, твердила сестра, пока это и вправду было так. Я его вижу. Я его вижу. Я его ви... Все, больше не вижу, сказала она.

Этот дом папа построил своими руками, когда они с мамой только поженились. Тогда им обоим еще не исполнилось и двадцати и у них были большие мечты и надежды. Мама рассказывала нам с Эльфридой, что они с отцом были такими юнцами, что буквально кипели энергией, и жаркими летними вечерами, когда папа возвращался из школы, где работал учителем, а мама заканчивала все домаш-

¹ А & W — первая в мире сеть ресторанов быстрого питания.

ние дела, они выходили к себе во двор и со смехом носились туда-сюда под струями садовых разбрызгивателей, не обращая внимания на ошеломленные взгляды и поджатые губы соседей, полагавших, что юным супругам-меннонитам негоже скакать полуголыми на виду у всего города. Годы спустя сестра скажет, что для наших родителей это были мгновения «Сладкой жизни» с садовым разбрызгивателем вместо фонтана Треви.

Я спросила у папы: Куда его повезли? Мы стояли посреди улицы, прямо на проезжей части. У нас больше не было дома. Папа приложил руку козырьком ко лбу, защищая глаза от слепящего солнца. Он ответил: Не знаю. Он не хотел знать. Мы с Эльфридой и мамой уселись в машину и стали ждать папу. Он еще долго стоял, глядя в пустоту, на том месте, где раньше был дом. Стоял целую вечность, как мне показалось. Эльфрида ворчала, что нагрешшее сиденье обжигает ей ноги. Наконец мама не выдержала и легонько нажала на клаксон, чтобы не напугать папу, но заставить его обернуться и вспомнить о нас.

Лето выдалось жарким. У нас оставалось еще несколько дней, прежде чем можно будет въезжать в новый дом, который был точно таким же, как старый, за тем исключением, что папа его не построил своими руками, с любовью и неустанным вниманием к каждой детали вроде крытой веранды, где можно сидеть, наблюдая за грозами, и не бояться промокнуть, и поэтому родители решили свозить нас с Эльфридой в кемпинг в заповеднике Бэдлендс в Южной Дакоте.

Казалось, мы только и делали, что обустроивались на месте и тут же с него срывались. Сестра ворчала, что это не настоящая жизнь, а какой-то дурдом, где психи бродят как неприкаянные с единственной целью: выжить и сохранить энергию. Да, дурдом как он есть. Или лагерь для беженцев, или зал ожидания, или санаторий для выздоравливающих невротиков — что угодно, но только не жизнь. Она не любила ходить в походы. Мама заметила, что такой опыт способствует расширению нашего восприятия мира. Париж тоже способствует, ответила Эльфи. Или ЛСД. На что мама сказала: Да ладно. Зато мы все вместе. Давайте жарить сосиски.

Из пропановой плитки вытекло масло. Пламя взвилось на высоту в четыре фута и опалило деревянный стол для пикника. Пока все это происходило, Эльфрида плясала вокруг горящего стола и пела «Солнечные дни» Терри Джекса, песню о человеке, который всю жизнь прожил белой вороной, а теперь умирал и прощался со всем и вся, а наш папа выругался впервые за всю историю («Что за черт?!») и шагнул еще ближе к огню с явным намерением что-то сделать, но что? Что было делать? Мама буквально тряслась от смеха, не в силах вымолвить ни слова. Я крикнула, чтобы они отошли от огня, но никто не сдвинулся с места, словно шла съемка сцены для фильма, и пожар был бутафорским, и если бы кто-то пошевелился, то дубль был бы испорчен. Я схватила полупустое ведерко с мороженым, сбегала к водопроводной колонке на другой стороне лужайки, набрала воды, прибежала обратно и выплеснула всю воду на пламя, но оно поднялось еще выше, впитав в себя ароматы ванили, клубники и шокола-

да, прямо к ветвям нависавшего над столом тополя. Одна ветка вспыхнула, но ненадолго, потому что на небе внезапно сгустились тучи, хлынул дождь с градом, и мы наконец-то спаслись. Хотя бы от огня.

В тот же вечер, когда буря прошла, а испорченная печка отправилась в мусорный бак с защитой от пум, папа с Эльфи решили пойти на лекцию о чернотных хорьках, прежде считавшихся вымершими. Лекция проходила в открытом каменном амфитеатре на территории кемпинга, и они объявили, что, наверное, останутся и на вторую лекцию — по астрофизике. О природе темной материи. Что это такое? — спросила я у сестры, и она ответила, что не знает, но, кажется, это какое-то вещество, которое составляет большую часть Вселенной. Эта материя невидима, сказала Эльфи, но мы ощущаем ее воздействие. Вроде бы ощущаем. Она злая? — спросила я. Сестра рассмеялась. Я хорошо помню, как она смеялась, стоя в своих джинсовых шортах и полосатом коротком топике на фоне темных, изъеденных временем скал. Она запрокинула голову к небу, так что ее длинная шея напряглась под белым кожаным чокером с синей бусиной в центре, ее смех был как очередь предупредительных выстрелов в воздух, как вызов миру: приди и возьми меня, если посмеешь. Они с папой пошли к амфитеатру, и мама крикнула им вдогонку: Изображайте звуки поцелуев, чтобы отпугнуть гремучих змей! — и, пока они слушали умные лекции о невидимых силах и вымирающих животных, мы с мамой сидели возле палатки и играли в «Который час, мистер Вольф?» в лучах закатного солнца.

По дороге домой из кемпинга мы почти не разговаривали друг с другом. Сначала мы два с поло-

виной дня ехали, что называется, в никуда — в направлении прочь от Ист-Виллиджа, — пока наконец наш отец не сказал: Ладно. Наверное, уже пора возвращаться домой. Как будто он долго раздумывал, пытаясь прийти к какому-то решению, а потом просто сдался. Мы сидели в машине, торжественно глядя на темные зубчатые очертания большого Канадского щита¹. Сурово, — прошептал папа почти неслышно, и, когда мама спросила, что это значит, молча указал на скалы. Мама кивнула, но как-то неубедительно, как будто надеялась, что он имел в виду что-то другое, что-то, с чем они запросто справятся вместе, вдвоем. О чем ты думаешь? — шепотом спросила я у Эльфи. Все окна в машине были открыты, ветер растрепал нам волосы, у нее — черные, у меня — золотисто-пшеничные. Мы с ней сидели на заднем сиденье, привалившись спинами к дверцам и вытянув ноги вперед. Лицом друг к другу. Эльфи читала «Трудную любовь» Итало Кальвино. Если бы ты сейчас не читала, то о чем бы ты думала? — снова спросила я. О революции, — сказала она. Я спросила, о какой революции, и она сказала, что когда-нибудь я все пойму, а сейчас об этом нельзя говорить. Это какая-то секретная революция? — спросила я. Эльфи сказала, повысив голос, так чтобы ее слышали все: Давайте не возвращаться. Ей никто не ответил. Ветер по-прежнему дул. Ничего не изменилось.

Папа хотел посмотреть древние охряные рисунки аборигенов на скальных уступах у озера Верхнего.

¹ Канадский щит — выступ докембрийского складчатого фундамента, расположенный преимущественно на территории Канады.

Эти рисунки таинственным образом сохранились почти в первозданном виде, неподвластные солнцу, воде и времени. Мы выбрались из машины и спустились к озеру по узенькой каменистой тропинке. Там везде были таблички: «Опасная зона!» И предупреждения шрифтом поменьше, что неосторожных туристов неоднократно смывало волнами со скал и что мы сами несем ответственность за свою безопасность. С каждой новой табличкой тревожные складки на папином лбу становились все глубже, и наконец мама не выдержала и сказала: Джейк, расслабься. А то доведешь себя до инфаркта.

Уже внизу стало понятно, что для того, чтобы увидеть наскальные «пиктограммы», нужно пройти по скользкому от влаги гранитному выступу, нависающему над вспененной водой, ухватиться за толстый канат, закрепленный на вбитых в скалу металлических скобах, и наклониться над озером чуть ли не горизонтально, почти касаясь волосами воды. Папа сказал: Ну, стало быть, не судьба. Он прочел надпись на табличке в конце тропы, надеясь, что ее содержимого будет достаточно. Тут написано, что геолог, обнаруживший эти рисунки, назвал их «забытыми снами». Он обернулся к маме: Слышишь, Лотти? Забытые сны. Он достал из кармана крошечный блокнот и записал эту подробность. Однако Эльфи заворожила идея повиснуть над бурной водой на веревке, и никто даже не понял, как она оказалась на самом краю гранитного выступа. Родители кричали ей вслед, чтобы она немедленно возвращалась, и была осторожнее, и не делала глупостей, и слушалась старших, и хоть иногда думала головой, а я застыла на месте, в ужасе глядя на то, что, как мне

представлялось, станет концом для моей бесстрашной сестры. Свесившись на веревке, она рассмотрела недоступные нам рисунки, а потом рассказала, что видела: в основном это были какие-то странные угловатые существа и другая загадочная символика некогда гордого и процветавшего племени.

Когда мы все же вернулись в наш маленький городок на западной оконечности каменистого Канадского щита посреди синего неба и желтых полей, мы не испытали желанного облегчения. Теперь у нас был новый дом. Папа часами сидел на шезлонге в саду и смотрел сквозь деревья на пустырь с другой стороны от шоссе, где когда-то стоял старый дом. Отец не хотел никуда переезжать. Это была не его затея. Но владелец автомобильного салона, располагавшегося по соседству с нашим прежним участком, собирался расширить свою стоянку и наседавал на отца, чтобы тот продал ему землю: уговаривал, убеждал, чуть ли не угрожал и всячески давил, пока наш отец не сломался и не продал ему дом с прилегающей к нему землей практически за бесценок. Отдал почти задарма, как выразилась мама. Просто бизнес, Джейк, — сказал продавец автомобилей, когда они с папой встретились в церкви в следующее воскресенье. — Ничего личного. Ист-Виллидж был основан как благочестивое убежище от всех мирских пороков, но со временем религия и коммерция незаметно слились воедино, так что самые богатые горожане становились и самыми набожными, как будто религиозное рвение вознаграждалось развитием бизнеса и приростом денежных средств, а прирост денежных средств считался делом почетным, богоугодным и осененным Божественной благода-

тью, и, когда наш отец отказался продать свою землю владельцу автосалона, в воздухе явно запахло общественным неодобрением, словно своим нежеланием потакать алчным стремлениям ближнего папа выказал себя недостаточно добрым христианином. Это как бы подразумевалось. А папе, конечно, хотелось быть добрым христианином. Мама его убеждала, что надо бороться, надо послать этого автоторговца в известную даль, а Эльфрида, которая была старше меня и более-менее понимала, что происходит, попыталась собрать подписи горожан под петицией с требованием запретить расширение бизнеса за счет частной собственности соседей. Но ничто не могло одолеть папино чувство вины и его стойкое ощущение, что он совершит тяжкий грех, если будет бороться за принадлежащее ему по праву. Он и так был в Ист-Виллидже белой вороной: этакий странный чужак, тихий, меланхоличный мечтатель, любитель долгих прогулок по загородным полям, свято веривший, что учение — свет, а книги и разум дают пропуск в рай. Мама боролась вместо него (но до определенных пределов, поскольку она была, как ни крути, верной меннонитской женой и совсем не стремилась перевернуть с ног на голову всю домашнюю иерархию), но она была женщиной, и ее слово не значило ничего.

Теперь, в новом доме, мама стала рассеянной и беспокойной, папа целыми днями гремел инструментами в гараже, я строила земляные вулканы на заднем дворе или бродила по окраинам нашего городка, как шимпанзе по периметру клетки, а Эльфи работала над «повышением своей узнаваемости». Ее вдохновили наскальные рисунки у озера: окружав-

ший их флер непроницаемой тайны, в которой соединились надежда, благоговение перед вечной загадкой бытия, дерзновенный дух противоречия и неизбывное одиночество. Она решила, что тоже оставит свой след в этом мире. Она придумала надпись, составленную из ее собственных инициалов — ЭФР (Эльфрида фон Ризен), под которыми стояла аббревиатура ВМНП. Последняя П располагалась чуть выше строки, и декоративная черточка под ее левой ножкой как бы перечеркивала три предыдущие буквы. Эльфи показала мне свой эскиз в блокноте с желтыми линованными листами. И что это значит? — спросила я. Она объяснила, что ее инициалы — это и есть ее инициалы, а ВМНП означает «Все мои ничтожные печали», причем «печали» пронизывают собой все. Она сложила правую руку в кулак и ударила им по ладони левой руки. В те годы у нее появилась привычка подкреплять все свои гениальные идеи звонким ударом в ладонь.

Ну, да... Ты сама это придумала? — спросила я. Эльфи сказала, что это цитата из стихотворения Сэмюэла Кольриджа, который определенно был бы ее парнем, если бы она родилась в подходящее время. Или если бы *он* родился в подходящее время, — сказала я.

Она сообщила, что собирается нарисовать этот символ на разных природных объектах по всему городу.

Каких природных объектах? — не поняла я.

Например, на заборах и водонапорной башне.

Я спросила: Можно внести предложение? Она прищурилась с явным сомнением. Мы обе знали, что мне нечего ей предложить в плане того, как оставить след в мире, — это как если бы кто-то из учени-